

После завершения работы над сценарием для этого кадра оба, прошедшие в напряжении почти неделю, были на грани сил. Они растянулись на большой кровати в спальне Сяо Жофэя, мечтая о прекрасной жизни после окончания проекта: нагуляться и напиться вдоволь, несколько дней не смотреть в экраны, поехать на каменистый пляж залива Яшуй ловить крабов. Говорили, говорили, а потом оба замолчали, мысли металась между реальностью и сновидениями. Вокруг словно возник мыльный пузырь, переливающийся всеми цветами, накрывший бетонный лес из стали и стекла, эту комнату и их грёзы.

Гу Чуньлай дремал, когда почувствовал движение рядом. Неосознанно он поднял руку, коснулся чего-то и, притянув к себе, устроился поудобнее. В его объятиях оказалось что-то живое, оно шевелилось, дважды дёрнулось, и лёгкое, едва уловимое дуновение коснулось его лица — прошло от глаз к носу и наконец остановилось на губах.

Он почувствовал какое-то прикосновение к губам — сухое, немного колючее. Сначала лёгкое, потом всё сильнее, сопровождаемое тёплым влажным дыханием. Так продолжалось довольно долго, а потом то, что давило на губы, стало беспокойно двигаться — то тут коснётся, то там, щекоча и вызывая невыносимое желание. В уголках его рта появилась приторная сладость, в голове будто засияло солнце — тепло и ярко, словно он упал на планету, сделанную из облаков.

Это... это был поцелуй!

Гу Чуньлай резко открыл глаза. У него на груди лежал Сяо Жофэй. Но тот спал с закрытыми глазами, дыхание было ровным, он не шевелился — совсем не походил на человека, который только что что-то предпринимал.

Тот поцелуй — был ли он реальным или всего лишь сном?

Но Гу Чуньлай задумался.

Если репетиции во время подготовки сценария были необходимы, то почему после всего этого произошёл поцелуй? Кроме как наличия настоящих чувств, он не мог придумать другого объяснения.

Раньше он считал Сяо Жофэя просто другом и никогда не думал о нём иначе. А теперь весь мир открыл перед ним другую дверь, став одновременно яснее и сложнее для понимания. Его мысли путались, и находиться рядом с этим человеком только усугубляло хаос. Как раз ключевая часть сценария была завершена, оставалось лишь закончить. Гу Чуньлай собрал несколько вещей, оставил Сяо Жофэю записку, что ему нужно время, чтобы прийти в себя, и уехал в горы.

Спустя полмесяца Гу Чуньлай потерпел неудачу. Он хотел разобраться в своих чувствах, но сердце его запуталось ещё сильнее, и он постоянно, с начала и до конца, твердил про себя имя Сяо Жофэя.

Тот поцелуй без участия другого человека не мог иметь продолжения.

Он размышлял, хотел спросить Сяо Жофэя, был ли тот поцелуй лишь минутным порывом или в его сердце живут настоящие чувства. Если их чувства взаимны, стоит ли им попробовать быть вместе, начать отношения, сделать следующий шаг в жизни.

Но когда он нашёл Сяо Жофэя, то узнал, что тот встречается с Бай Яньнанем.

После этого Гу Чуньлай больше не смел об этом думать. Даже если его сердце трепетало, он не

знал, не ошибался ли он снова.

Их теперешние отношения почти не отличались от тех, что были в самом начале. А он уже начал цепляться за эту жизнь, снова привыкать к существованию рядом с Сяо Жофэем.

Сяо Жофэй был слишком добрым, слишком внимательным к чувствам других. Спонтанное признание, неразделённая любовь — всё это принесло бы только боль. Он не хотел причинять Сяо Жофэю страдания, боялся нарушить этот баланс и не знал, как снова вычеркнуть этого человека из своего мира, если баланс будет нарушен.

В прошлый раз из-за своей глупости и импульсивности он угодил в ловушку лёгкого поцелуя, метался, разбиваясь в кровь, и в итоге обменял своё сердце и несколько лет жизни на ключ от неё.

На этот раз у него не осталось ничего, что можно было бы обменять.

Пусть всё остаётся как есть.

Он не хотел просить слишком многого.

Гу Чуньлай натянул на себя одеяло, сохранившее тепло Сяо Жофэя, и, когда тело согрелось, опёрся на всё, что мог, чтобы встать, повернул ручку двери. Вокруг была кромешная тьма, только тусклая лампа под потолком гудяще светила. Через некоторое время его глаза привыкли, и он разглядел, что в уборной никого нет. Медленно вышел, помыл руки, вытер их о порванную юбку, снял туфли, взял их в руку и, прижимаясь к стене, покинул убежище, где провёл полдня.

Открыв дверь уборной, он с удивлением увидел табличку «Идёт уборка». Пройдя дальше, в тёмном коридоре, прислонившись к стене, стоял человек — статный, с широкими плечами и узкими бёдрами. Его дыхание было подобно дыму, а пар оседал на плафоне светильника под потолком, покрывая его дымкой и делая резкий свет мягче.

Возможно, шорох одеяла о стену был слишком громким, потому что тот человек почувствовал его. Он быстро повернулся и направился к Гу Чуньлаю, хмурясь, с явным недовольством во взгляде.

Гу Чуньлай мгновенно понял: тот снова беспокоился о нём и намеренно ждал снаружи, чтобы не застать в неловкий момент. Не дожидаясь, пока тот заговорит, он первым произнёс:

— Спасибо, что подождал меня.

У Сяо Жофэя, собравшегося было высказать кучу упрёков, весь гнев моментально испарился. Он посмотрел на глаза Гу Чуньлая, затем на его губы, а потом поднял руку, одной обнял его за плечо, а другой ущипнул за щёку, растирая её до тех пор, пока она не покраснела так же, как уши, и только тогда сказал:

— Ты что вообще творишь! Когда будешь готов, просто крикни!

— Хорошо, — кивнул Гу Чуньлай. — В следующий раз запомню.

— Лучше бы этого не было, — Сяо Жофэй тихо пробормотал, а затем продолжил:

— Подожди, я позвал Ичэна, он принесёт тебе обувь. Надень это.

Сказав это, он снял свои ботинки и бросил их перед Гу Чуньлаем. Когда тот обулся, Сяо Жофэй взял туфли, снял носки, развязал шнурки, сначала надел на левую ногу, потом на правую, встал — и туфли словно стали частью его тела, идеально подходя. Сколько бы лет ни прошло, как бы они ни изменились в росте и телосложении, размер их обуви всегда оставался одинаковым.

Сяо Жофэй, заметив, что Гу Чуньлай смотрит на него с интересом, специально сделал пару кругов вокруг него, а затем остановился перед ним, выпрямившись.

— Видишь, на этот раз я выше.

— Да ну, ты опять об этом думаешь, — Гу Чуньлай засмеялся так, что у него заболела спина, но он не мог остановиться.

Когда они только поступили в университет, Сяо Жофэй был невысоким, на занятиях по военной подготовке всегда стоял в первом ряду, а на лекциях, сидя сзади, ничего не видел. Позже, освоившись, Гу Чуньлай часто считал его и Бай Яньняня младшими братьями, заботясь о них, особенно о Сяо Жофэе, который тогда был ещё круглолицым и не таким угловатым и ярким, как сейчас. Его улыбка могла растопить лёд в стакане с газировкой. Он знал, что Сяо Жофэй не согласится с этим, ведь сам он был самым младшим в общежитии, поступив в 16 лет, и из-за своего роста наотрез отказывался называть его «старшим братом». Они спорили об этом четыре года, и Сяо Жофэй каждый день усиленно питался — молоко, сыр, говядина по очереди. В день выпуска, когда Сяо Жофэй прижал его к кровати Бай Яньняня, он наконец понял, что этот человек стал выше него, и он больше не мог найти в нём черты прошлого.

— Слушай, Жофэй-старший, — Гу Чуньлай не мог выпрямиться, поэтому наклонился вперёд, подняв голову и глядя на чётко очерченный подбородок и щетину Сяо Жофэя. — Здесь холодно, может, пойдём обратно?

— Ты... ты что это вдруг?!

Гу Чуньлай спокойно ответил:

— Ты старше меня, называть тебя старшим братом — это естественно.

Сяо Жофэй всё ещё смотрел на него, как на призрака.

— Мы же договорились, что когда ты вырастешь выше меня, я буду звать тебя старшим братом.

Сяо Жофэй наконец понял:

— Это было... сколько лет назад.

— Сколько бы лет ни прошло, обещание остаётся обещанием. Ты забыл? Мы же скрепили это клятвой.

— Забыть? Невозможно, — взгляд Сяо Жофэя стал серьёзным, словно он хотел увидеть в Гу Чуньлае то прошлое, которое они не смогли прожить. — Ладно, остальное обсудим позже. Ты можешь идти? Если нет, то, когда Ичэн принесёт обувь, пусть заодно привезёт инвалидную коляску?

Гу Чуньлай поспешно отказался. Как раз Чжан Ичэн подошёл, и они вместе с Сяо Жофэем помогли ему добраться до отеля.

Хотя было больно и идти было тяжело, но если он не будет ходить сейчас, то в будущем ему будет ещё сложнее двигаться самостоятельно. За эти годы Гу Чуньлай проходил лечение и у китайских, и у западных врачей, перепробовал множество методов, но его спина была покрыта шрамами, кожа была чувствительной, и малейшая неосторожность могла вызвать покраснение и нагноение, что было хуже боли. Кроме как медленно заживать, эта болезнь не поддавалась лечению.

Но сейчас ему стало намного лучше, и он уже много лет не чувствовал боли, почти забыв это ощущение.

<http://bllate.org/book/15563/1415689>